

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-131-142

А. С. Кондратьев¹*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского***К. А. Меринов²***Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

ПЬЕР БЕЗУХОВ И ИВАН КАРАМАЗОВ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Итоги духовной биографии Пьера Безухова выявляют самонадеянные притязания героя на преобразование сложившихся жизненных условий. Иван Карамазов, склонный к подмене категорий христианской аксиологии инквизиторскими ориентирами, развивает идеологические установки толстовского персонажа.

Ключевые слова: Толстой, Достоевский, «Война и мир», «Братья Карамазовы», Пьер Безухов, Иван Карамазов, христианская аксиология, атеизм.

A. S. Kondratiev*Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky***K. A. Merinov***Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky*

PIERRE BEZUKHOV AND IVAN KARAMAZOV AS NON-EUCLIDEAN PARALLELS IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL TRADITION

The results of the spiritual biography of Pierre Bezukhov reveal the hero's presumptuous claims to transform the existing living conditions. Ivan Karamazov, who is inclined to replace the categories of Christian axiology with inquisitorial guidelines, develops the ideological attitudes of Tolstoy's character.

Keywords: Tolstoy, Dostoevsky, "War and Peace", "The Brothers Karamazov", Pierre Bezukhov, Ivan Karamazov, Christian axiology, atheism.

Отвечая на вызовы смутной поры 60–70-х гг. XIX века, отмеченной притязаниями на новое слово «европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории» (т. 13, с. 455), Толстой в «Войне и мире» и Достоевский в «Братьях Карамазовых» художественно отслеживают становление национального характера в сложившейся ситуации. Пьер Безухов во время

¹ Александр Степанович Кондратьев – канд. филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, sir.kondratiev2016@yandex.ru

² Кирилл Александрович Меринов – студент Института филологии ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, klikovic123@gmail.com

разговора с разуверившимся в наполеоновской идее Андреем Болконским расширяет для него горизонты мироздания: «Ежели есть бог и есть будущая жизнь, то есть истина и добродетель» [Толстой, 1979–1981, т. 5, с. 124]. Иван Карамазов по прибытии в родительский дом безапелляционно заявляет старцу Паисию: «Нет добродетели, если нет бессмертия» (т. 14, с. 65). Однако итоги духовных исканий героев уже выявляют сопряженность избранных ими ценностных ориентиров самоопределения – безверия и вседозволенности во имя утверждения *всеобщего блага*, что дает ключи к пониманию *прошлого* и *будущего* и углубляет представления о художественно-философском феномене русской классики, укорененной в православной традиции отечественной культуры и вскрывающей несостоятельность рационалистической аксиологии.

Достоевский воспринимал «Войну и мир», как указано в черновых редакциях «Подростка», в «виде великолепной исторической картины <...> которая перейдет в потомство и без которой не обойдется потомство» (т. 16, с. 435), и в Пушкинской речи он не преминул вспомнить об этой книге (т. 26, с. 335). Толстой пережил смерть Достоевского как невозполнимую потерю, о чем он и писал Н. Н. Страхову 5–10 февраля 1881 г.: «Опора какая-то отскочила от меня <...>, а потом стало ясно, как он мне был дорог» [Толстой, Юб., т. 63, с. 43]. Д. П. Маковицкий не оставил без внимания 21 сентября 1908 г. высказывание, концептуально значимое для понимания отношения Толстого к своему современнику: «Достоевский – великий человек» [Маковицкий, т. 3, с. 206]. Покинув Ясную Поляну, Толстой обратился 28 октября 1910 г. к дочери Александре с просьбой: «Пришли мне или привези <...> начатые мною книги <...> 2-й том Достоевского» [Толстой, Юб., т. 82, с. 216], то есть недочитанных «Братьев Карамазовых». И незавершенный внутренний диалог писателей раскрывается во всей полноте в контексте «большого времени».

Историко-литературная наука, сосредоточенная на освоении духовных доминант творчества русских классиков, подводя итоги затянувшейся дискуссии о Толстом и Достоевском, преодолевает стереотипные суждения о едва ли не альтернативной природе творческой индивидуальности классиков: «При всем различии художественных исканий они были едины в главном – верили в Бога как источник добра и любви, в христианское возрождение человека и человечества, в нравственный прогресс общества через свободное волеизъявление личности» [Ремизов, 2019, с. 658]. Христианская аксиология, преломленная в творческом сознании Толстого и Достоевского, направляет художественные искания классиков на постижение духовной несостоятельности наполеоновской идеологии. Преподобный Иустин (Попович) особо выделил в наследии Достоевского пророческое предостережение, актуальное для нашего времени: «Силою художественной прозорливости он угадал и распознал, что Бог и диавол – самые главные творцы и вершители судеб в наших человеческих мирах» [Преподобный Иустин, 2002, с. 243]. Если преломление христианской аксиологии в творческом сознании Достоевского не подвергается сомнению, то освоение православного содержания произведений Толстого только лишь обозначено исследовательской

мыслью: «...отечественное литературоведение обратилось к табуированным ранее темам <...> рассмотрение творчества Л. Н. Толстого в контексте христианской культуры <...> в своем художественном творчестве <...> в целом ряде вершинных произведений он как раз <...> засвидетельствовал собственную укорененность в православной культурной традиции» [Есаулов, 2017, с. 195].

Православная концепция человека предполагает обретение личностной идентичности и духовной состоятельности в *посвящении* себя другим, но отнюдь не в *противостоянии* другим: «...кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк 9:35). Антропологические воззрения Толстого укоренены в духовной традиции и могут быть представлены максимой *Все* и *часть Всего*, составляющие которой образуют единораздельную целостность человеческой природы: «То, что я называю своею жизнью, есть сознание Божественного начала, проявляющегося в одной части *Всего*» [Толстой, Юб., т. 55, с. 256]. Достоевский также определяет феномен русского человека в свете категорий православной антропологии: «Жить для себя у великороса – жить для других» (т. 24, с. 144). И у Достоевского, и у Толстого человек обретает духовную состоятельность, входя в жизнь других и посвящая себя им. Православным пониманием человеческой природы в споре с дарвинистским отбором и марксизмом, представлявшим личностную индивидуальность всего лишь совокупностью «общественных отношений», объясняется пристальное внимание Толстого и Достоевского к итогам духовной биографии совращенных с праведного пути героев, среди которых особо выделяются Пьер Безухов и Иван Карамазов, преуспевшие в усвоении европейских «плодов просвещения», предвосхитив профессора Кругосветлова, недоумевавшего и сокрушавшегося: «Да, как еще мы далеки от Европы» [Толстой, Юб., т. 27, с. 247].

Утвердившаяся трактовка образа Пьера Безухова, так и не ставшего Петром Кирилловичем, в контексте понимания системы героев «Войны и мира», восходящей к духовной традиции отечественной культуры, нуждается в существенном уточнении. Отработанное советским литературоведением стереотипное суждение О. В. Сливичкой: «Пьер – самый толстовский из толстовских героев <...> наиболее полное воплощение “человека Толстого”» [Сливичкая, 2020, с. 82], – противопоставляет героя якобы несостоявшемуся князю Андрею Болконскому. Но ведь именно Безухов, будучи не в силах представить себя одним из других, что в художественном мире Толстого и знаменует обретение человеком духовной состоятельности, склонен был полагаться по возвращении из Петербурга накануне Зимнего Николая на свое участие в судьбах человечества: «...казалось <...>, что он был призван дать новое направление всему русскому обществу и всему миру» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 307]. Вечерний спор у Ростовых в Лысых Горах на политические темы, когда Пьеру зятем было сказано: «...вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадром <...> не задумайся и пойду» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 298], настолько взбудоражил 15-летнего Николеньку Болконского, благоговевшего перед другом отца, что ему во сне пригрезилась впереди *слава*, а дядя Николай

Ильич преграждал ему с Пьером путь к ней. И боявшийся темноты подросток проснулся под впечатлением от пережитого в холодном поту. Когда же от охватившего ужаса ребенок вернулся к благодатному окружению родных и близких, едва не утраченному, Безухов все так же «с самодовольствием и увлечением» излагал Наташе, «с тихой, счастливой улыбкой», свои призрачные планы по утверждению всеобщего благоденствия.

Душевное волнение Николеньки, благословленного отцом, князем Андреем, вернувшимся перед смертью в лоно православной традиции миропонимания: «Любовь есть бог, и умереть – значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 69], резко контрастирует с возвеличившимся в собственных глазах и так и не повзрослевшим Пьером, ведь он, как сказал Ростов графине Марье, «такой ребенок» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 300], что выявляет различные стратегии духовного самоопределения русского человека. Если для Николеньки Болконского вполне закономерно отроческое, как и в духовном опыте Николеньки Иртеньева из «Детства», желание проявить себя исключительным («Все узнают, все полюбят меня, все восхитятся мною» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 308]), то для так и не реализовавшего себя Пьера Безухова такое ребяческое устремление выделиться более чем странно. Для Толстого Наполеон – также не нашедший себя: «...во время своей деятельности был подобен ребенку, который <...> воображает, что он правит» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 100]. Вмиг одумавшийся от охватившего ужаса, подросток резко противопоставлен самодовольным *игрокам* людскими судьбами – Наполеону и Пьеру Безухову, только лишь помышлявшему об оправдании высокой цели любыми средствами. В великосветском салоне Безухов, вернувшийся из Европы, проявил себя бонапартистом: «...для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека» [Толстой, 1979–1981, т. 4, с. 28]. Раскольников в разговоре с Соней пытается оправдаться в содеянном: «Я ведь только вошь убил <...> бесполезную, гадкую, зловредную» (т. 6, с. 320). Достоевский таких считает «недоделанными людьми»: «...осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека <...> с **недоделанными** людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные» (т. 25, с. 47). И в легенде «Великий инквизитор» Иван Карамазов отстаивает настоятельную потребность смоделированной по сатанинским лекалам наивности для разрешения проблемы нового миропорядка: «...мы устроим жизнь как детскую игру» (т. 14, с. 236).

Безухов, впечатливший своею пламенной речью Николеньку Болконского, спросившего: «Ежели бы папа был жив... Он бы согласен был с вами?», отвечает *неохотно* и, с некоторым сомнением: «Я думаю, что да» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 298]. Болконский с Безуховым навсегда разошлись перед Бородинским сражением, так и не найдя общего языка. Однако по-прежнему в исследовательской, а значит и читательской, практике не произошло разрыва шаблона в понимании

художественно-философского смысла образа Безухова с опорой на движение авторского сознания: «Погиб князь Андрей, но в живых остается равный ему, но совсем другой – Пьер» [Сливицкая, 2020, с. 108]. Авторская концепция персонажа так и остается непроясненной, и подобные выводы становятся не чем иным, как отвлеченным суждением, не соотносящимся с текстом. Если в последнем разговоре с Андреем Болконским перед Бородинской битвой Пьер делал ставку на полководческое искусство Наполеона: «... тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника» [Толстой, 1979–1981, т. 6, с. 215], то полковник Болконский был уверен, что исход предстоящего боя предопределен не выигрышной позицией и количеством орудий, и уж тем более никак не предписаниями штабистов, а духовными усилиями воинства: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции» [Толстой, 1979–1981, т. 6, с. 215]. Весьма показательным, что Толстой повторяет эти же слова, характеризуя Кутузова: «... он знал и старческим умом понимал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место <...> не количество пушек <...> а та неуловимая сила, называемая духом войска» [Толстой, 1979–1981, т. 6, с. 256]. К этому выводу Болконский пришел еще в начале войны и осознал его при встрече с только что назначенным главнокомандующим Кутузовым, который был уверен, что идущие напролом французы будут, как и турки, перебиваться лошадиным мясом.

Андрей и Пьер словно «поменялись ролями» по сравнению с их разговором на пароме во время пути из Богучарова в Лысье Горы, когда Безухов, прельщенный масонскими соблазнами, устраивая жизнь других, пытался открыть другу спасительное *неведомое*, однако теперь же Болконский апеллирует к духовной традиции национального самосознания, иронизируя над выхолощенным мудрствованием Вольцогена и Клаузевица: «Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить!» [Толстой, 1979–1981, т. 6, с. 217] Толстой духовным размежеванием Пьера и Андрея с просветленными надеждами и тревожными ожиданиями подводит итог художественного освещения воплощенных потрясений, обусловленных и военным противостоянием России и Европы: «... нерешенный, висящий вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над Россией заслонял все другие предположения» [Толстой, 1979–1981, т. 6, с. 401]. Что же касается Болконского, то он – на верном пути, коль попросил доктора дать ему Евангелие, однако национальному самосознанию еще предстоит выстоять под натиском чужеродных духовной традиции отечественной культуры антиправославных тенденций.

Самонадеянные притязания Пьера на последнее слово в истории, порожденные человеческим разумом, побуждают к весьма неожиданной параллели толстовского героя с Иваном Карамазовым³, оставившим след в растревоженной аксиологической беспочвенностью русской глубинке. Выходя

³ О сопоставлении героев Толстого и Достоевского см.: [Ремизов, 2019, с. 248-251].

на уровень обобщений затаенных рассуждений Пьера Безухова о праве по европейским проектам обустроить всеобщее благоденствие, Иван Карамазов, *естественник* по складу ума и образованию, в своей поэме «Геологический переворот», считанной с его памяти двойником-чертом, уже не грезит о планах личностной самореализации, но декларирует их как не подлежащие сомнению: «...так как бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно стать человеко-богом <...> для бога не существует закона! Где станет бог – там уже место божие! Где стану я <...> “все дозволено” и шабаш!» (т. 15, с. 84) Соотношение положений Карамазова, проявившего себя на сочинительском поприще, и романтического отчета в семейном кругу Безухова вполне очевидно, потому как они оба актуализируют человеческие усилия: «Пусть будет не одна добродетель, но независимость и деятельность» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 296]. Добродетель, таким образом, исходит не от кого иного, как от человека. Преподобный Иустин (Попович) провидит укорененность миропонимания Ивана Карамазова в нигилистической убежденности во вседозволенности необыкновенного человека: «Идейный наследник <...> гениально развивает этот этический признак Раскольникова и превращает его в категорическое требование <...> “все дозволено”» [Преподобный Иустин, 2002, с. 81]. Данное положение может быть дополнено и *дерзновенными* помышлениями Безухова: «... отступление Пьера от каратаевского приятия сущего грозит превращением уже обретенного *мира* в новую *войну* <...> сражение, (манифестируемое словесной перепалкой и сном Николеньки) угрожает развести <...> болконскую и ростовскую ветви русского рода-народа»⁴ [Есаулов, 2017, с. 236]. В черновых редакциях «Подростка» Достоевский, набрасывая штрихи к портрету внутреннего облика Версилова, обратил внимание на драматизм итогов духовной биографии Безухова, утерявшего свои православные корни: «Посмотрите на убеждения вашего отца <...> во что он верует по примеру бесконечного числа русских европейской цивилизации петербургского периода русской истории: замечательно, что не пощадил Лев Толстой даже своего Пьера, которого так твердо вел весь роман, несмотря на масонство» (т. 16, с. 435). И все же Достоевский усматривает в его духовной природе сохранившийся свет: «Пьер там и хорош, где черты русские» (т. 24, с. 183).

Иван Карамазов, «недоконченный» петровской реформой русский человек, объявился в глубинке России. Второй сын безалаберного приживальщика и 16-летней матери, из безродных «сироток», *«рос каким-то угрюмым и закрывшимся сам в себе отроком, далеко не робким, но как бы еще с десяти лет проникнувшим в то, что в чужой семье и на чужих милостях»* (т. 14, с. 15). Становление характера Карамазова во многом совпадает с взрослением Пьера, внебрачного и единственного сына князя Безухова, отправленного десятилетним на воспитание за границу: они оба оказались лишенными с малолетства родительского крова и полагались лишь на свой неокрепший ум. Отроческая пора,

⁴ См. об этом также: [Кондратьев, 2021, с. 194-208].

преисполненная максимализма и самонадеянности, на жизненном пути Безухова и Карамазова затянулась на долгие годы. В черновых вариантах «Войны и мира» Толстой указал на перспективу самореализации Безухова: «М-г Риет мечтал быть оратором, государственным человеком, в роде Мирабо или полководцем в роде Кесаря. Он, менее всех в мире рожденных к такой деятельности, считал себя рожденным для нее» [Толстой, Юб., т. 13, с. 227]. Появившись по возвращении из Европы в салоне Шерер, Пьер был склонен воспринимать свершающееся в истории в законническо-правовом ракурсе, в отличие от благодатных ориентиров православного русского человека: «Казнь герцога Энгиенского <...> была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке» [Толстой, 1979–1981, т. 4, с. 27]. Налицо разделение людей на пресловутые два разряда: *тварей дрожащих и право имеющих*, навеянное штирнерианством и предисловием Наполеона III к своей «Истории Юлия Цезаря»: «Провидение возводит таких людей, как Наполеон, чтобы <...> запечатлеть их гением новую эру» [Наполеон III, 1865, с. VI]. Иван Карамазов обозначил в «Великом инквизиторе» выведенный «эвклидовым умом» вектор достижения власти и повиновения непокорных как подмену христианских первооснов мироздания: *истины, добра и красоты* – бесноватыми *чудом, тайной и авторитетом*, а в «Геологическом перевороте» задекларировал безусловное право человеко-бога вершить людские судьбы. Однако он вознамерился реализовать сформировавшиеся в его сознании бесноватые аксиомы и поэтому старается удержать при себе брата Алешу: «*Ты мне дорог, я тебя упустишь не хочу и не уступлю твоему Зосиме*» (т. 14, с. 222).

На шатких основаниях своего духовного опыта Карамазов пытается найти путь к власти над воцерковленными, чем и объясняется замысел его нашумевшей на всю державу статьи о церковно-общественном суде, написанной в полемическом запале. Зарекомендовавший себя *своим* среди верующих и атеистов, публицист не пытался достичь компромисса по взволновавшей многих теме, но придерживался своей точки зрения в споре с духовным лицом: «... *возразил ему, что, напротив, церковь должна заключить в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол*» (т. 14, с. 56). Отец Паисий, иеромонах и ближайший сподвижник старца Зосимы, открывает истинный, хотя и потаенный, смысл созданного по европейским лекалам сочинения их земляка, взлетевшего на общероссийские высоты: «...*церковь должна перерождаться в государство <...>, чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации*» (т. 14, с. 58). Атеистическую направленность рассуждений одержимого безверием Ивана Карамазова особо отметил А. Л. Вольтинский: «... логически строит мир и его отношения <...>. Речь идет о возрождении человека чисто человеческим путем <...>. Мистические элементы в жизни людей – Бог, бессмертие, даже индивидуальная совесть – совершенно выкидываются из его расчетов и построений» [Вольтинский, 1901, с. 99].

Получается, что своим немощным «эвклидовым умом» Карамазов пытается освоить и подчинить себе бесконечные духовные сферы: «Рассуждения Ивана основываются на уверенности в том, что человек способен создавать аксиоматики – системы безусловных предпосылок, из которых все остальное дедуктивно следует» [Губайловский, 2007, с. 44]. Достоевский же не приемлет иллюзорные соображения насчет пресловутого общего блага: «*Я не хочу такого общества научного, где я бы не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам*» (т. 24, с. 162).

И Толстой, и Достоевский усматривают истоки духовной несостоятельности своих героев, Пьера Безухова и Ивана Карамазова, в безверии, лишившем человека статуса Венца Творения, оставив его наедине с самим собой. В «Войне и мире» Наполеон в беседе с Балашевым указывает на цивилизационный фактор: «... большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа <...> уже нигде в Европе нет ничего подобного» [Толстой, 1979–1981, т. 6, с. 34–35]. А потому и Пьер, занятый *подсчетами* переходов пленных до Смоленска, не заметил расправу с Платоном Каратаевым: «...смотрел на Пьера своими добрыми <...> глазами <...> подзывал его к себе <...>, но Пьеру слишком страшно было за себя <...>, он сделал так, как будто не видал его взгляда, и поспешно отошел» [Толстой, 1979–1981, т. 7, с. 168]. Однако в Бородинском сражении он оказался – таки на батарее Раевского и после него придумал для себя подвиг – спасение человечества от Наполеона, своего же прежнего кумира, а вот обрести себя по благодати в соборном единении с другими недостало духовных сил.

Наполеон, вступив победителем на русскую землю, еще не знал, что по каким-то причинам опустевшая Москва не станет дожидаться от него своей судьбы и откажется от *вражеских* милостей и отмеренного *врагом* великодушия, превратив желанное торжество на Поклонной горе в комическую сцену. В «Братьях Карамазовых» о европейском безверии с тревожным предостережением говорит старец Зосима: «*Иностраннный преступник <...> редко раскаивается, ибо современные учения утверждают его в мысли, что преступление его <...> лишь восстание против несправедливо угнетающей силы <...> во многих случаях там церквей уже и нет вовсе*» (т. 14, с. 60). И вскоре воочию все узрели, чем грозит соблазнительное «все дозволено», когда события в провинциальном Скотопригоньевске достигли всероссийского масштаба. Иван Карамазов увидел свое отражение в облике Павла Смердякова (оба названы апостольскими именами), грезившем поколесить по Европе, где когда-то и был соvrащен Пьер, и вынесшем ему по сути судебное определение, сокрушившее все его планы: «*Вы убили, вы главный убивец и есть, а я только вашим приспешником был <...> по слову вашему дело это и совершил*» (т. 15, с. 59). Иван Карамазов встретился со своим двойником-чертом, открывшим его внутренний облик: «*Надо всего только разрушить в человечестве идею о боге, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность и наступит все новое*» (т. 15, с. 83). Осознание такого же строя мыслей, преисполненных впечатлений от радикальных и кощунственных речей Пьера Безухова, остановило Николеньку,

проснувшегося в «холодном поту» на пути к намеченной цели. Но «новое» так и не наступило, а известный в литературных кругах России ученый-атеист был повержен греховными заблуждениями, вплоть до помешательства: «Из глубины души Ивана, неоглядных и недостижимых для евклидова ума, через развалины и разломы его внутреннего расслоенного мира хлынули как воды некие невиданные ранее ощущения, и эти ощущения затопили, как потерпевший крушение корабль, его помраченный ум» [Преподобный Иустин, 2002, с. 88].

Намеченная Толстым в «Войне и мире» перспектива формирования в опыте самоопределения Пьера Безухова категорий подпольного сознания, когда «никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные» (т. 25, с. 85), пророчески свидетельствует о предпосылках *разрыва* традиции отечественной культуры, православной по своим истокам и миропониманию, и *деформации* духовных доминант человеческой природы. У Достоевского даже был замысел «Анекдота о перестановке голов», упоминающийся среди набросков к февральскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. и так и оставшийся неосуществленным. Иван Карамазов, продолжая избранную своим предшественником Безуховым нить рассуждений, проходит через испытание «подменой голов» уже в нравственно-социальных реалиях российской глубинки. Сначала Шатов в «Бесах», излагая свою доктрину, провозгласил новую этическую парадигму: «...ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума <...> до нынешнего столетия» (т. 10, с. 199), а затем Иван Карамазов, не выдержавший греховных тягот, раскрывается в суде, объясняя, откуда у него пачка денег: «Получил от Смердякова, от убийцы, вчера <...>, Убил отца он, а не брат <...>, а я его научил убить» (т. 15, с. 117). Толстой и Достоевский, воплощая итоги духовной биографии Пьера Безухова и Ивана Карамазова, вскрывают трагические последствия для национального характера, презревшего христианские заповеди Благодати, разрывы духовной традиции и его ограниченности в самореализации *законническим* полем, что соотносится с проблематикой современности и словно предлагает сакральный код доступа к пониманию грядущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышников, Е. П.** Образная концепция мира в прозе Л. Н. Толстого / Е. П. Барышников. – Москва: Перо, 2014. – 272 с.
- Ветловская, В. Е.** Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. – Ленинград: Наука, 1977. – 198 с.
- Вольнский, А. Л.** Царство Карамазовых. Н. С. Лесков / А. Л. Вольнский. – Санкт-Петербург, 1901. – 493 с.
- Губайловский, В.** Геометрия Достоевского / В. Губайловский // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. – Москва: Наука, 2007. – С. 39–69.
- Есаулов, И. А.** Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского / И. А. Есаулов, Б. Н. Тарасов, Ю. Н. Сытина. – Москва: Индрик, 2021. – 336 с.

Есаулов, И. А. Русская классика: новое понимание 3-е изд. / И. А. Есаулов. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. – 550 с.

Захаров, В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества / В. Н. Захаров. – Москва: Индрик, 2013. – 456 с.

Кибальник, С. А. Федор Достоевский и Макс Штирнер (к постановке проблемы) / С. А. Кибальник // Acta eruditorum. – 2018. – Вып. 26. – С. 26–32.

Кибальник, С. А. О философском подтексте формулы «Если Бога нет...» в творчестве Ф. М. Достоевского / С. А. Кибальник // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 153–163.

Ковалев, О. А. Нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Ковалев. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 316 с.

Кондратьев, А. С. Оппозиция Закона и Благодати в духовном опыте Пьера Безухова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого / А. С. Кондратьев, Е. А. Меринов // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 194–208.

Курляндская, Г. Б. Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского / Г. Б. Курляндская. – Москва: Просвещение, 1988. – 255 с.

Ляху, В. Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библейских аллюзий / В. Ляху. – Москва: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. – 282 с.

Маковицкий, Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки / Д. П. Маковицкий // Литературное наследство. – Москва: Наука, 1979. Т. 90. – Кн. 1–4.

Наполеон III Предисловие / Наполеон III // Наполеон III История Юлия Цезаря. – Москва, 1865. – С. I–VII.

Отверженный, Н. Штирнер и Достоевский / Н. Отверженный. – Москва: Голос труда, 1925. – 79 с.

Преподобный Иустин (Попович) Достоевский о Европе и славянстве / Иустин (Попович). – Москва; Санкт-Петербург: Сретенский монастырь, 2002. – 288 с.

Ремизов, В. Б. Ремизов В. Б. Толстой и Достоевский. Братья по совести / В. Б. Ремизов. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – 688 с.

Сараскина, Л. И. Федор Достоевский. Одоление демонов / Л. И. Сараскина. – Москва: Согласие, 1996. – 462 с.

Сливицкая, О. В. О Толстом / О. В. Сливицкая. – Санкт-Петербург: Росток, 2020. – 207 с.

Тарасов, А. Б. Что есть истина? Праведники Льва Толстого / А. Б. Тарасов. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 176 с.

Толстой, Л. Н. Война и мир // Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 4–7 / Л. Н. Толстой. – Москва: Художественная литература, 1979–1981.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва: ГИХЛ, 1928–1958.

Шалина, М. А. Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского / М. А. Шалина // Проблемы исторической поэтики. – 2021. Т. 19. – № 1. – С. 209–220.

REFERENCES

Baryshnikov, E. P. Obraznaya koncepciya mira v proze L. N. Tolstogo / E. P. Baryshnikov. – Moskva: Pero, 2014. – 272 s.

Esaulov, I. A. Analiz, interpretacii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo / I. A. Esaulov, B. N. Tarasov, Yu. N. Sytina. – Moskva: Indrik, 2021. – 336 s.

Esaulov, I. A. Russkaya klassika: novoe ponimanie. 3-e izd. / I. A. Esaulov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RHGA, 2017. – 550 s.

Gubajlovskij, V. Geometriya Dostoevskogo / V. Gubajlovskij // Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya. – Moskva: Nauka, 2007. – S. 39–69.

Kibal'nik, S. A. Fedor Dostoevskij i Maks Shtirner (k postanovke problemy) / S. A. Kibal'nik // Acta eruditorum. – 2018. – Vyp. 26. – S. 26–32.

Kibal'nik, S. A. O filosofskom podtekste formuly «Esli Boga net...» v tvorcestve F. M. Dostoevskogo / S. A. Kibal'nik // Russkaya literatura. – 2012. – № 3. – S. 153–163.

Kondrat'ev, A. S. Oppozicija Zakona i Blagodati v duhovnom opyte P'era Bezuхова v «Vojne i mire» L. N. Tolstogo / A. S. Kondrat'ev, E. A. Merinov // Problemy istoricheskoy pojetiki. – 2021. – Т. 19. – № 1. – S. 194–208.

Kovalev, O. A. Narrativnye strategii v tvorcestve F. M. Dostoevskogo / O. A. Kovalev. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. – 316 s.

Kurlyandskaya, G. B. Nравstvennyj ideal geroev L. N. Tolstogo i F. M. Dostoevskogo / G. B. Kurlyandskaya. – Moskva: Prosveshchenie, 1988. – 255 s.

Lyahu, V. Lyuciferov bunt Ivana Karamazova. Sud'ba geroya v zerkale biblejskih allyuzij / V. Lyahu. – Moskva: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyа, 2011. – 282 s.

Makovickij, D. P. U Tolstogo. 1904–1910. Yasnopolyanskiе zapiski / D. P. Makovickij // Literaturnoe nasledstvo. – Moskva: Nauka, 1979. Т. 90. – Kn. 1–4.

Napoleon III Predislovie / Napoleon III // Napoleon III Istoriya Yuliyа Cezarya. – Moskva, 1865. – S. I–VII.

Otverzhenyj, N. Shtirner i Dostoevskij / N. Otverzhenyj. – Moskva: Golos truda, 1925. – 79 s.

Prepodobnyj Iustin (Popovich) Dostoevskij o Evrope i slavyanstve / Iustin (Popovich). – Moskva; Sant-Peterburg: Sretenskij monastyr', 2002. – 288 s.

Remizov, V. B. Tolstoj i Dostoevskij. Brat'ya po sovesti / V. B. Remizov. – Moskva: RG-Press, 2019. – 688 s.

Saraskina, L. I. Fedor Dostoevskij. Odolenie demonov / L. I. Saraskina. – Moskva: Soglasie, 1996. – 462 s.

Shalina, M. A. Antropologicheskaya problematika tvorchestva F. M. Dostoevskogo / M. A. Shalina // Problemy istoricheskoy poetiki. 2021. T. 19. – № 1. – S. 209–220.

Slivickaya, O. V. O Tolstom / O. V. Slivickaya. – Sankt-Peterburg: Rostok, 2020. – 207 s.

Tarasov, A. B. Chto est' istina? Pravedniki L'va Tolstogo / A. B. Tarasov. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. – 176 s.

Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. / L. N. Tolstoj. – Moskva: GIHL, 1928–1958.

Tolstoj, L. N. Vojna i mir // Tolstoj, L. N. Sobranie sochinenij: v 22 t. T. 4–7 / L. N. Tolstoj. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1979–1981.

Vetlovskaya, V. E. Poetika romana «Brat'ya Karamazovy» / V. E. Vetlovskaya. – Leningrad: Nauka, 1977. – 198 s.

Volynskij, A. L. Carstvo Karamazovyh. N. S. Leskov / A. L. Volynskij. – Sankt-Peterburg, 1901. – 493 s.

Zaharov, V. N. Imya avtora – Dostoevskij. Ocherk tvorchestva / V. N. Zaharov. – Moskva: Indrik, 2013. – 456 s.